

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.xc93-bd28

EDN: QHBDYG

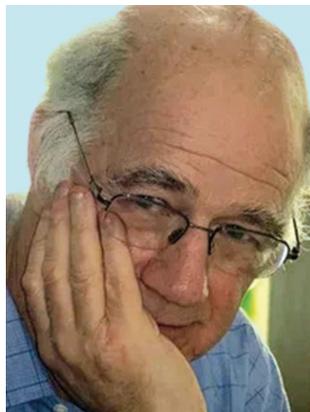
УДК 316(092)

Майкл Буравой

*Международная социологическая ассоциация
(МСА)*

**ПРОБЛЕМА КЛАССОВ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ.
Интервью Майкла Буравого
с Эриком Олином Райтом***

Аннотация. Эрик Райт — профессор социологии Висконсинского университета (Мэдисон, США), в 1976 г. защитил диссертацию (PhD) и с тех пор работает в Висконсинском университете. Экс-президент Международной социологической ассоциации (МСА). Автор нескольких книг. Широко известен в западной социологии своими эмпирическими исследованиями классовой структуры в разных странах, работами в области марксистской теории и методологии социальных исследований. Интервью специально для журнала «Рубеж» взял профессор социологии, член редсовета журнала «Рубеж» Майкл Буравой.

* Публикуется к годовщине гибели М. Буравого (1947–2025) по изданию в журнале «Рубеж», 1995, № 6–7. Воспроизводится с любезного разрешения Марины и Владимира Ильиных, основателей журнала «Рубеж».

Ключевые слова: класс, марксизм, социология, современное общество, гендерные и классовые отношения

Ссылка для цитирования: Буравой М. Проблема классов в современной социологии. Интервью с Эриком Олином Райтом // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 51–72. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.xc93-bd28; EDN: QHBDYG

Б.: Эрик, почему ты так заинтересовался проблемой классов?

Р.: Первоначально мои интересы в области социологии концентрировались преимущественно вокруг проблемы государства и социальных изменений. Но по мере погружения в изучение этих вопросов я увидел серьезные проблемы классового анализа, которые показались мне неясными или, по крайней мере, недостаточно развитыми в широко понимаемой марксистской традиции. Я почувствовал настоятельную необходимость изучения классовой структуры современного капиталистического общества в связи с тем, что марксизм не имеет удовлетворительного объяснения современного так называемого «среднего класса». И я начал изучение классов через анализ этой проблемы, через проявление более широких фундаментальных теоретических вопросов. К сожалению, в течение последних 15 лет я был поглощен аспектами вопроса классовой структуры и не возвращался к более широким теоретическим проблемам, по крайней мере как к центральной теме моих исследований. Таким образом, в течение всего предшествующего периода я был занят изучением классов, особенно среднего класса.

Б.: Занимался ли ты в этот период разработкой теоретического каркаса для изучения классов?

Р.: Теоретическая разработка мной этой проблемы имела два широких аспекта. Во-первых, это задача, используя широкую концепцию класса, вторгаться параллельно во взаимосвязанные с ней концепции. Например, я потратил много времени на изучение отношений между классовой структурой, формированием и борьбой классов, стараясь понять, как можно эти три компонента широкого классового анализа соединить вместе. Во-вторых, необходимо реконструировать само понятие классовой структуры, восстановить его в первоначальном виде. И в этом контексте главное, что я сделал в своих работах, — это развитие понятия, обозначенного как противоречивая позиция (*contradictory class location*) внутри классовых отношений. Это особый способ понимания средних классов в классовой структуре, применимый не только к капитализму, но к любой классовой структуре.

Б.: Не можешь ли ты привести пример такой противоречивой классовой позиции?

Р.: Давай возьмем менеджеров в капиталистическом обществе. Они одновременно являются и капиталистами, и работниками. Они капиталисты, поскольку контролируют труд рабочих; они же и работники, поскольку отделены от средств производства и продают капиталисту свою рабочую силу. Менеджеры одновременно и капиталисты, и работники, и в этом смысле находятся в противоречивой классовой позиции.

Б.: Ты упомянул также средний класс. Кого включает средний класс капиталистического общества?

Р.: В целом я рассматриваю экспертов или высокооплачиваемых наемных работников также как часть среднего класса. Причины этого несколько отличны от тех, которые я привел относительно менеджеров. Я понимаю, что анализ экспертов или высокооплачиваемых наемных работников в качестве среднего класса требует введения дополнительной категории. Это категория эксплуатации. Другой подход к анализу среднего класса состоит в определении его особой позиции в классовой структуре: он эксплуатируется посредством одного социального механизма, но он же и эксплуатирует посредством другого. Таким образом, средний класс является одновременно эксплуатируемым и эксплуататором.

Квалифицированные работники, особенно высококвалифицированные специалисты, также могут быть эксплуататорами, поскольку высокая квалификация позволяет им присваивать для личного пользования часть общественного прибавочного продукта. Но они являются эксплуатируемыми, поскольку производят трудовой продукт, который присваивается другими, работодателями. Они являются одновременно эксплуататорами и эксплуатируемыми и в другом смысле. И с этой точки зрения они входят в средний класс.

Б.: Какие социальные группы относятся к среднему классу?

Р.: В американском контексте он включает большинство специалистов, врачей, юристов, инженеров, университетских профессоров, определенные категории высококвалифицированных рабочих, если их профессия достаточно монополизирована. Так, сантехники, электрики могут быть отнесены к среднему классу. Они способны монополизировать свою профессию до такой степени, что это позволяет им присваивать прибавочную стоимость. В техническом смысле они приобретают часть прибавочной стоимости или могут требовать этого как своего рода ренты через высокую зарплату.

Б.: Что ты подразумеваешь под эксплуатацией?

Р.: Это понятие в основном совпадает с классической идеей эксплуатации в марксистской традиции, то есть эксплуататор присваивает прибавочный продукт, произведенный кем-то другим. Это довольно приблизительное определение, и здесь появляются технические проблемы определения присвоения, прибавочной стоимости. Но есть случаи, где общего определения вполне достаточно, так как оно схватывает центральную идею. Главное в содержании понятия эксплуатации — это различное отношение социальных субъектов к прибавочной стоимости. Если люди постоянно различными способами присваивают прибавочный продукт, беря его у других и ставя под собственный контроль, то они находятся в позиции эксплуатирующих.

Б.: Считаешь ли ты, что классовая эксплуатация имеет место в обществе государственного социализма, например в бывшем Советском Союзе?

Р.: В моем понимании эксплуатация — это ситуация, при которой один социальный субъект находится в таком положении в системе власти, которое позволяет ему присваивать прибавочный продукт, произведенный другими...

Б.: И кто они?

Р.: Это высший слой государственного аппарата и партии и, возможно, высшие менеджеры. Есть разные слои эксплуататоров, находящиеся в разных социальных позициях, которые предполагают большую или меньшую степень участия в эксплуатации. Но в любом случае это социальные субъекты, которые способны контролировать, присваивать части прибавочного продукта, используя эти части в собственных целях — частично для собственного потребления, частично — для разного рода инвестирования. Их властная позиция позволяет им делать это. Но есть еще один трудный вопрос... Если мы обнаружили эксплуатацию, то является ли она классовой эксплуатацией? Возможно, что это эксплуатация иного характера. С моей точки зрения, при классовой эксплуатации присвоение прибавочного продукта обусловлено способом, которым различные социальные субъекты контролируют системы производства, оно так или иначе связано с организацией производства. Таким образом, эксплуатация — это прежде всего экономическая идея, если даже она обусловлена политическими и идеологическими условиями. Но не всегда эксплуатация будет классовой. Например, грабители на большой дороге, конечно, отбирают у людей прибавочный продукт, но это нельзя назвать классовой формой эксплуатации, хотя они являются эксплуататорами,

отбирающими прибавочный продукт, произведенный другими. Их способ эксплуатации не включает контроль системы производства.

Бюрократический государственный социализм является формой классовой эксплуатации в том смысле, что партийное руководство, номенклатура не просто присваивают прибавочный продукт, но делают это, фактически командуя системой производства. Это командование связано с контролем со стороны государственной власти, но государство здесь используется для контроля производства, что позволяет ему присваивать прибавочный продукт. И это оправдывает отнесение этой эксплуатации к классовой форме, а не просто к эксплуатации элитой, государством и т. п.

Б.: Таким образом, ты считаешь советское общество классовым обществом с классовой эксплуатацией?

Р.: Да, но это не капиталистическое классовое общество.

Б.: А в чем разница?

Р.: Это не капиталистическое классовое общество, потому что эксплуататоры связаны со средствами производства не посредством частной собственности, а посредством командного контроля со стороны государства. Государственная форма эксплуатации является классовой, потому что она предполагает контроль производства. Но это не капиталистическая классовая форма, поскольку основывается не на частной собственности на средства производства.

Б.: Это государственный способ производства?

Р.: Именно так я бы назвал его: государственный способ производства.

Б.: Итак, одним из способов анализа общества является анализ его классового характера. Позволяет ли классовый подход проследить траекторию развития общества? Если да, то позволял ли он предвидеть, например, дезинтеграцию Советского Союза?

Р.: Если ты спрашиваешь, предвидел ли я это, то, конечно, я отвечу, что нет.

Б.: Но можешь ли ты это реконструировать в пределах классовой теории, объяснить с ее помощью крушение Советского Союза?

Р.: Это интересный вопрос, потому что в работах классиков марксизма есть материал для этого. Есть идеи, позволявшие предвидеть крах Советского Союза и восстановление чего-то похожего на капитализм. Действительно, если вы возьмете ортодоксальный, доленинский взгляд исторического материализма, особенно как он был разработан Марксом в «Критике политической экономии», то там вы увидите предсказание, что попытка разрушить частную собственность и установить

социалистические производственные отношения на основе отсталых производственных сил потерпит крах и тотчас же капитализм будет восстановлен. Это было обоснованное предсказание классической ортодоксальной теории. Но я не считаю, что крах советской экономики и потенциальное восстановление капитализма есть следствие классической теории, так как последняя предсказывала на основе неверных аргументов. Хотя то, что случилось, и показывает верность классического прогноза, но было бы неоправданно утверждать, что и основания для этого предсказания были верны.

Одной из характерных черт марксистской традиции является ее попытка разработать на основе классового анализа динамическое объяснение исторической траектории. Но я должен признать, что это стремление является чрезмерным. Я не вижу доступных средств в современном классовом анализе ни Советского Союза, ни современного капитализма, которые придали бы достаточный смысл предвидениям такого типа. Но мы можем, делая своего рода жест в сторону этой теории, взять ее в качестве ключа. Поскольку развитие основных способностей человека (производительных сил, по крайней мере, технических) имеет кумулятивный характер, то производительные силы, будучи однажды развиты, имеют тенденцию не регрессировать. Их развитие имеет определенные направления. В той мере, в которой классовые отношения трансформируются вслед за развитием производительных сил, можно говорить, что развитие классовых отношений также имеет определенное направление развития, связанное с развитием производительных сил. Но, как я уже сказал, это лишь жест в сторону этой теории, так как у нас нет достаточных оснований для предвидения того, какая конкретная форма производственных отношений возможна при высоком уровне развития производительных сил и какая форма действительно возникнет.

Б.: Это очень общее утверждение в духе метатеории, поскольку предсказание в отношении Советского Союза распространяется не только на вопрос, почему он необходимо должен был рухнуть, но и почему он так долго существовал?

Р.: Дело в том, что даже в тех классических работах, где идеи четко и просто сформулированы, нет измерения во времени. У Маркса не было временной шкалы для процесса, который он предсказывал. Поэтому там, где он говорит о тенденциях и контртенденциях, об усилении противоречий, нет измерения во времени. Отнюдь не обязательно это рассматривать как признак ущербности теории. Нередко хорошие теории не имеют этого измерения.

Б.: Многие люди восприняли позицию Джиласа¹, согласно которой в советском обществе сформировался новый класс. Что ты думаешь об этой теории?

Р.: Я не думаю, что это фундаментальная ошибка — рассматривать высший эшелон партийно-государственного аппарата, находящуюся у власти интеллигенцию как новый класс. В своей основе это верный подход. Но я не согласен с тем, какие группы составляют этот класс. Я думаю, что то, что он называет классом, — это просто властвующая элита.

В анализе Джиласа выделяются группы, которые я бы тоже назвал классом, но причины, по которым он называет их классом, иные, чем те, по которым я определяю их как класс. Его определение класса — это, в сущности, определение правящей элиты. Быть классом — это значит иметь возможность эксплуатировать других благодаря контролю процесса производства прибавочного продукта. Он не характеризует эти группы как эксплуататоров. Этот вопрос не стоит в центре его анализа. С его точки зрения, они господствуют. Но я не думаю, что господство — это достаточное условие для конституирования этих субъектов как класса. В определенном смысле я согласен с тем, что Джилас определяет эту группу субъектов как класс, но я не согласен с его объяснением, почему они составляют класс.

Б.: Очень хороший ответ. Давай пойдем дальше. Если мы не могли предвидеть крах Советского Союза, то что можно сказать с позиций твоих теоретических построений относительно будущего России после краха Советского Союза, в последовательности переходов? Если смотреть отсюда, из Калифорнии, как, по-твоему, идет развитие в современной России?

Р.: Информацию о развитии классовой структуры бывшего Советского Союза я получаю в основном от моего товарища, Буравого, сделавшего анализ возникновения торгового капитализма...

Б.: Торгового капитала².

¹ *Djilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. — New York: Frederick A. Praeger, 1957.*

² Торговый капитал — прибыль, создаваемая в торговле, а не в результате трансформации советского производства и перехода к индустриальному капитализму. Подробнее о применении данного понятия к анализу ситуации в России 1990-х годов см.: *Burawoy M., Krotov P. The soviet transition from socialism to capitalism: Worker control and economic bargaining in the wood industry // Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P. What about the workers? Workers and the transition to capitalism in Russia. — London: Verso. — P. 56–90. — Примеч. С. Ярошенко.*

Р.: Да, торгового капитала... Анализ, ныне дополненный изучением банковской системы. Я думаю, что новые классы возникают в России, в бывшем Советском Союзе. По крайней мере приватизированные частные предприятия начали развиваться. И соответственно, начинают развиваться мелкая буржуазия, самостоятельные хозяева. Это люди, которые зарабатывают свой доход благодаря собственным средствам производства и продаже товаров на том или ином рынке. Я предвижу, что по мере все большего ослабления контроля за рынком труда, который начнет функционировать так же, как на Западе, в России у высокопоставленных людей, фактически осуществляющих контроль, имеющих высокий уровень квалификации и образования, будет появляться все больше существенных характеристик западного среднего класса. Все это позволит характеризовать их как эксплуататоров. И этот сегмент среднего класса имеет в России потенциал роста. В прошлом он был ограничен в своем развитии, так как контроль, осуществляющийся специалистами высокого уровня, не вел сам по себе к высоким доходам, к возможности присвоения прибавочного продукта. Это имело место только в том случае, когда функции контроля сочетались с элитными позициями в государственном аппарате, в номенклатуре и т. д. Только тогда их высокий уровень контроля прибавочного продукта вознаграждался. Я думаю, что средний класс западного типа должен возникнуть в России, хотя и не столь быстро в нынешних экономических условиях. Возникнет и капиталистический класс того или иного вида. Но что менее ясно, так это судьба старого правящего класса, старого эксплуататорского класса, чья власть основывалась на государственном контроле. Исчезнет ли он быстро? До сих пор он сохраняется как класс. И это еще не новый капиталистический класс, так как он контролирует прибавочный продукт через позиции в государственном и административном аппарате. Экономический же аппарат сочетается с государственным. Сейчас очень подвижная ситуация. И старый эксплуататорский класс сосуществует с новым.

Б.: Не является ли здесь основной проблемой: государственный или капиталистический способ производства?.. Один из них...

Р.: Нет, это будет гибрид.

Б.: Гибрид, который, вероятно, будет нестабильным.

Р.: Нет. Если использовать аналогии из химии, то я бы сказал так: я не верю, что смесь, состоящая из чистых элементов, должна быть нестабильной. Например, западный капитализм приобрел стабильность

именно благодаря своей гибридности. Для Запада характерен своеобразный гибрид капитализма и этатизма. Капитализм является в нем господствующим способом производства, но он соединен в значительной мере с элементами государственного способа производства. Гибридная форма делает Запад более стабильным, чем это имело место при чистом капитализме. Как отмечал Шумпетер, чистый капитализм быстро разрушил бы себя. Только нечистый капитализм может выжить. Некоторые люди утверждают, что одна из причин неудач советской экономики состоит в том, что она была слишком чисто этатистской. Смешанный этатизм мог бы выживать более успешно, чем чистый этатизм. Инновации, допускающие нечистый этатизм, появились слишком поздно, поэтому поиск жизнеспособного гибрида оказался значительно более трудным.

Б.: Ты думаешь, что гибрид может сделать Россию более стабильной?

Р.: Да. В принципе я думаю, что это возможно. Но очень трудно представить, как в обозримом будущем существующая в России экономика сможет избавиться от сильных этатистских элементов. Мне кажется, что на повестке дня там должен стоять прежде всего вопрос, как заставить государство работать лучше и промышленность заставить работать так же, как работает частная капиталистическая промышленность. Это важная часть процесса реформ, так же как избавление государства от излишних функций. Но я не думаю, что можно избавиться сейчас от этих государственных функций, так как они будут возвращаться к государству из-за отсутствия частных субъектов, способных так организовать экономическую активность, чтобы позволить простым людям выжить.

Б.: Еще один важный вопрос. Ты все еще веришь в концепцию социализма? Что изменилось после крушения Советского Союза?

Р.: Я нахожу невероятным утверждение, что экономическая система, основанная на частной собственности на средства производства, где прибыль является центральной ценностью общества и вдохновляет экономическую активность, а эксплуатация является движущей силой экономического развития, — это высшая и последняя форма человеческой цивилизации. Основная идея социализма состоит в том, что можно организовать такое общество, где капиталистическая эксплуатация не является определяющим принципом организации и заменена такой формой организации производства, в которой простые люди (назовем их непосредственными производителями или рабочими) демократически контролируют распределение основных

ресурсов, инвестирование и развитие. В этом смысле социализм — это основательная демократизация социального контроля экономической активности общества. Социализм в этом смысле совместим с рынком. Я думаю, что рынок может быть приемлем для такого типа общества. Он также совместим с определенными формами частных предприятий при условии, что активность и устремления этих предприятий ограничены демократическим контролем ресурсов так же, как демократия ограничена частным контролем производства. Социализм для меня — это, во-первых, и прежде всего, демократия и, во-вторых, демократический контроль основных контуров общественного производства. И я думаю, что это возможная и жизнеспособная форма общества. Это достижимая форма в том смысле, что исторически возможны такие преобразования отношений собственности и демократического контроля. Но как на практике этого достичь, я не имею ни малейшего представления.

Б.: Ты не думаешь, что опыт Советского Союза имеет негативное или позитивное влияние на возможность становления таких институтов?

Р.: Конечно, надо убедить людей сразу и навсегда, что авторитарная, бюрократическая и антидемократическая форма собственности не может привести к идеалу социалистической формы общества, экономической жизни, классовым отношениям. Но как негативный пример, показывающий, как не надо делать, — это полезный, хотя и болезненный исторический опыт. Этот исторический опыт многие люди признали еще до крушения Советского Союза. Большинство западных марксистов моего поколения не были привязаны к Советскому Союзу и в 60–70-е гг. Поэтому, в сущности, судьба социализма не была подорвана крахом Советского Союза, так как мы никогда не рассматривали его как какую-то модель социализма. Поэтому я думаю, что Советский Союз — это негативный пример, полезный для социалистической теории.

Б.: Мы рассмотрели теоретические аспекты. Теперь я бы хотел сфокусировать обсуждение на эмпирической работе. Может быть, ты расскажешь об эмпирических работах, проводившихся в последние двадцать лет? Особенно о сравнительных исследованиях России и Соединенных Штатов.

Р.: Мои эмпирические исследования классовой структуры начались еще в годы работы над магистерской диссертацией. Я провел изучение связи между классами и неравенством доходов в Соединенных

Штатах. После этого я решил, что было бы полезно обобщить мои собственные данные (диссертация основывалась на вторичном анализе уже собранных данных), усовершенствовав вопросы для опроса в Соединенных Штатах и еще в одной-двух странах и собрав данные о классовом неравенстве, классовом сознании, классовой биографии и ряде других тем. Эти данные затем могли бы быть систематически использованы в классовом анализе марксистского типа. В работе, которую я опубликовал до этого нового исследования, всякий раз, когда мои результаты не соответствовали моей теории, я мог сказать: «Да, увы, данные были собраны в соответствии с категориями, вытекающими из теории». Это давало мне удобный способ объяснения, почему анализ данных не работает так, как я хотел бы. И я чувствовал, что было бы хорошо собрать мои собственные данные, что не давало бы мне возможности так оправдываться.

Первоначально проект предполагал сравнительный анализ классовой структуры, классового сознания и классовой биографии в Соединенных Штатах, Швеции и еще в одной-двух странах. В ходе медленного и слабо регулируемого процесса ряд других стран попросили присоединиться к этому проекту. И на первой фазе исследования мы получили данные идентичных опросов в 11 странах: Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, Соединенном Королевстве, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Западной Германии и Японии... Да, и Новой Зеландии. Этот этап был завершен к 1985 г. с точки зрения сбора данных.

Тогда ко мне подошли русские социологи и спросили, не заинтересован ли я в распространении этого проекта и на Советский Союз. В это время у меня не было возможности эту идею реализовать. Но она показалась мне очень интересной. В 1986 г. Майкл Буравой и я поехали в Москву для изучения возможностей распространения американского проекта на Советский Союз. После первого визита мы оба укрепились в нашем убеждении, что русский проект никогда не состоится из-за состояния советской социологии и последних дней старой советской системы. Однако после серии наших визитов в Москву и визита группы русских социологов в Соединенные Штаты в конце концов в 1988 г. соглашение о совместном проекте было достигнуто. Было решено провести новое американское исследование одновременно с русским опросом. Некоторые части вопросника были изменены, чтобы сделать вопросы уместными в специфических условиях российского общества и более интересными с точки зрения сравнения России и Соединенных

Штатов. Исследование было проведено в основном в 1991 г. Анализ же данных продолжается до сих пор.

Б.: Что ты думаешь о главных методологических проблемах проведения таких сравнительных международных опросов? Это исследование, кажется, до сих пор остается уникальным в мировой социологии?

Р.: Я не нахожу его уникальным. Я просто, наверное, один из тех людей, которые особенно заинтересованы этой проблемой. Основная проблема любого сравнительного исследования, будь то опрос или какой-то иной способ собирания данных, состоит в том, чтобы сделать свои наблюдения в разных контекстах достаточно сравнимыми. То есть, когда вы сравниваете наблюдения, данные, вы должны знать, что сравниваются сходства и различия в мире, а не сходства и различия в способе проведения наблюдений. Таким образом, основная проблема состоит в том, как обеспечить такой инструментарий для сравнительного наблюдения. Если вы собираете данные посредством этнографического исследования, то эта проблема еще более серьезна, чем при проведении массового опроса. Вы сталкиваетесь с проблемой прямо и непосредственным образом при составлении вопросника. Тут вы должны задавать: «Означает ли он одно и то же в стране “А” и в стране “Б”, чтобы люди, сталкиваясь с вопросом, отвечали при этом на один и тот же вопрос».

Б.: Эрик, как вы можете конструировать ответ, не будучи хотя бы немного этнографами?

Р.: Я думаю, можно. Только необходимо привлечь к конструированию вопросов аналитика, искушенного в вопросах культуры. Иногда ты можешь делать это и сам, беря вопрос и проверяя в ходе наблюдений в процессе полевого исследования, означает ли он везде одно и то же. При проведении такого исследования первая проблема состоит в том, чтобы иметь набор вопросов, которые, будучи поставленными в разных странах, будут означать одно и то же, не будут в разных странах разными вопросами.

Другая не менее важная проблема, которую очень трудно решить, — это перевод уже согласованных вопросов на разные языки. Например, вопросов, составленных на английском языке, — на русский. Вы должны быть уверены, что в процессе перевода вопросник не изменился, что там сохранился согласованный контекст. В большинстве проектов на этой стадии имели место небольшие изменения, вносимые разными исследовательскими командами уже после достижения согласия по поводу вопросника. Обычно люди рассматривали это как невинное

улучшение вопросников. Но результатом таких маленьких улучшений является подрыв совместимости вопросников, что делает анализ данных крайне трудным, а иногда и невозможным.

Б.: Если можно — несколько примеров...

Р.: Мы задавали вопрос относительно по крайней мере 15 видов экономической активности: от производства стали до школ, больниц, пожарной охраны, почты и т. д. В американском опросе мы задавали такой вопрос: «Относительно каждого из этих видов экономической деятельности ответьте, пожалуйста, должна ли она вестись главным образом правительством или главным образом частными предприятиями. Так, например, как Вы считаете: должно ли производство стали осуществляться главным образом правительством или главным образом частными предприятиями?» Мы не предлагали респондентам ответ «в равной мере», но если они отвечали так, то мы это фиксировали. В русском вопросе всех респондентов спрашивали: «Должно ли производство стали осуществляться главным образом правительством, главным образом частными предприятиями или сочетанием обеих форм?» Респонденту давалась особая категория «сочетание обеих форм». Это добавление в русский вопросник третьего варианта ответа делало американский и русский ответы уже несопоставимыми. Например, в России около 40 процентов сказали о больницах, что они должны быть в основном государственными, около 50 процентов отметили сочетание двух форм, 10 процентов указали, что — частными. В Соединенных Штатах около 50 процентов сказали, что в основном должны быть государственными и около 50 процентов — в основном частными. Как мы можем интерпретировать эти данные? Как их сопоставлять?

Я не говорю, что русский вариант вопроса был хуже американского. Могут быть веские аргументы в пользу того, чтобы дать респонденту выбор в форме «в равной мере». Видимо, использование категории «сочетание» не очень удачно. Стоило бы сказать: «в равной мере», так как в конце концов вариант «в основном правительством» также предполагает сочетание. Но дело не в этом. Русский вопросник, возможно, лучше американского. Но дело в том, что, если проводишь сравнительное исследование, ты должен подчиняться сопоставимому плану. Иначе подрываются возможности сопоставления как такового. К сожалению, в этом проекте есть несколько ключевых групп вопросов, в которых сопоставимость была поставлена под угрозу такими изменениями.

Б.: Часто говорят, что такие сравнительные исследования, как ты делаешь, проводить невозможно.

Р.: Я предпочитаю систематическую поверхностность глухоте. Но такие сомнения имеют основания, так как ты должен задавать различные вопросы в разных странах относительно одних и тех же идей. Это верно, но откуда ты знаешь, что это верно? Такие исследования позволяют тебе узнать о России что-то такое, что интересно в сравнении с тем, что ты узнал о Соединенных Штатах. Я предпочитаю такую поверхностность... Поверхностность в том смысле, что ты собираешь верхушки тех вещей, которые ты можешь собрать на поверхности. Я скорее предпочитаю поверхностное сравнительное исследование Соединенных Штатов и России (пусть максимально систематизированное), которое затем углубляется посредством этнографического исследования, чем встраивание в опрос этнографического исследования того или иного рода.

Б.: Но что первично: этнографическое исследование или массовый опрос?

Р.: Вероятно, надо делать и первое, и второе. Я имею в виду, что в определенном смысле каждый является этнографом своей страны. И когда ты организуешь сравнительное исследование, то ты собираешь людей, живущих внутри своей культуры, которые, будучи социологами, чувствуют ее и думают о мире, в котором они живут, способны увязать его с составляемым вопросником. И ты тратишь уйму времени на выяснение ограничений, которые накладывает этнография на вопросы, вносимые сторонами в конструируемый вопросник. Таким образом, ты в определенном смысле должен делать этнографическое исследование.

Б.: То есть часы, которые мы потратили в Москве и Беркли, представляли собой настоящую этнографическую работу.

Р.: Да, это была действительно этнографическая работа.

Б.: Как в случае с «дружбой». Что это за история с «дружбой»?

Р.: Русские участники проекта настаивали, что русские не имеют «близких друзей»... Не то чтобы совсем не имеют, но если есть, то один-два.

Б.: Они очень редки. «Дружба» в русском языке означает совсем другое, но мы тогда этого не поняли.

Р.: И слово, которое обычно переводится как friend (друг), имеет в русском языке гораздо более сильное значение. Таким образом, английские слова close friend при переводе обычным способом на русский будут означать очень прочные личностные узы. Проблема состояла

в том, что мы хотели спросить о друзьях не столь близких, но в то же время и не просто знакомых. Необходимо было найти в русском языке слово, означающее этот промежуточный тип личной связи: не предельно тесной, но и не чисто случайной. Я не помню нашего решения... Но пришли к какому-то решению.

Б.: Суммируя то, что ты сказал, можно утверждать, что вся подготовительная работа по созданию инструментария массового опроса была действительно важна. Она потребовала много времени, поскольку мы делали этнографическую работу, обменивались идеями для того, чтобы правильно сконструировать вопросы.

Р.: Быстрые и поспешные массовые опросы, кажется, совершенно никчемны. Быстрые и поспешные сравнительные опросы — особенно. Необходимо пройти через решение спорных задач.

Б.: Теперь еще один вопрос. Многие люди думают, что марксизм мертв и что крах Советского Союза означает крах и марксизма. Почему ты все еще продолжаешь работать в рамках марксистской теории классов?

Р.: Я хотел бы разбить твой вопрос на два. Первый: почему я изучаю класс в русле марксистской традиции; второй: в каком смысле я марксист. Это не идентичные вопросы.

Итак, первый вопрос. Изучать класс в русле марксистской традиции означает для меня исследование, отличное от веберовского классового анализа или обычного анализа класса в русле теории социальной стратификации (скажем, в американском контексте). Характерная черта марксистского подхода — связь классов и эксплуатации и понимание этой связи через призму организации общественного производства. И здесь важнейший вопрос — отношения классовой эксплуатации. Это сущность классового анализа. Она позволяет объяснить, почему конфликты, возникающие вокруг классов, не являются просто произвольными и случайными событиями. Почему конфликт интересов классов внутренне присущ самим классовым отношениям? Потому что это отношения эксплуатации, которые являются интенсивно антагонистическими, порождающими конфликт. Простое неравенство не обязательно порождает конфликт. Классовое неравенство является результатом отношений эксплуатации между субъектами. Поэтому благосостояние одного субъекта обеспечивается за счет благосостояния другого. Простое неравенство не имеет такой причинной связи. Здесь нет особой причины для порождения им конфликтов. Класс, понимаемый в контексте эксплуатации, внутренне связан с идеей

антагонистических интересов. Это делает категорию класса полезной для объяснения социальных конфликтов разного типа.

Б.: Отношения эксплуатации в действительности не являются прозрачными, видимыми для людей. Это значит, что многие люди видят только неравенство там, где ты видишь эксплуатацию.

Р.: Эксплуатация означает анализ механизма, порождающего неравенство. Однако неравенство может быть случайным. Даже объекты эксплуатации отнюдь не обязательно понимают эксплуататорский характер их неравенства, хотя в действительности вовлечены во взаимодействие с эксплуататором, порождающее неравенство. Таким образом, рабочий может не использовать категорию эксплуатации в смысле присвоения прибавочной стоимости, однако будучи постоянно вовлеченным в отношения с капиталистом, он, конечно, видит, что они порождают неравенство, в котором он живет, и что интересы рабочего по сути своей являются противоположными интересам капиталиста. Когда я теоретически объясняю эти отношения как порожденные эксплуатацией, то это привносит в классовые отношения имманентно конфликтный элемент. Рабочие же объясняют эти отношения не через категорию эксплуатации, видя в них лишь производство различий, неравенства.

Поэтому, если я собираюсь анализировать класс с научной точки зрения, то я должен иметь представление, как в целом устроен мир. Это наилучший подход к проблеме класса.

Б.: Таким образом, в основе лежит научный, а не нормативный критерий?

Р.: Но, с другой стороны, есть и нормативная причина. Я считаю, что понятие эксплуатации не является невинным, ценностно нейтральным. Мы используем понятие эксплуатации как иное выражение понятия присвоения прибавочной стоимости, потому что мы хотим ликвидировать неравенство, порождаемое эксплуатацией, как нарушение норм справедливости, человеческого достоинства, хотим уйти от ценностей, тесно привязанных к долларам. Нормативная причина того, что я принимаю марксистский классовый анализ, состоит в том, что я хочу изучать классы с точки зрения необходимости уничтожения эксплуатации. Мне нужна критическая теория класса, которая борется против классового неравенства и классовой эксплуатации, а не просто дает описание, знание.

Б.: Это значит, что ты против эксплуатации, но не против идеи неравенства как такового?

Р.: Конечно. Я против неравенства, порождаемого эксплуатацией. Я могу быть и против других видов неравенства, но по другим причинам, на иной основе, не связанной с классовым анализом.

Таким образом, есть научные и нормативные причины, в соответствии с которыми я считаю, что марксистская традиция классового анализа остается аналитически наиболее мощной и морально оправданной. Все это является ответом на первую часть вопроса: почему я следую марксистскому классовому анализу.

Вторая часть вопроса: в каком смысле я являюсь марксистом? Этот вопрос более сложный, и мой ответ будет больше походить на попытку разобраться в этом. В свое время для меня было двусмысленным называть себя марксистом, поскольку я чувствовал, что марксизм — это не просто теоретически и морально обоснованный способ классового анализа, что марксизм создает цельный контекст для социальных наук и социальной критики как таковой. Марксизм — это общая парадигма социальной теории и социального анализа, а не частная теория, определенное измерение общественной жизни. Конечно, я могу проводить марксистский анализ пола, рас, поскольку изучаю классовый аспект этих проблем. И в действительности я это и делаю в моих исследованиях, поскольку это крайне ценный и важный аспект критической теории — изучать классовый аспект проблем всякого рода. Но я знаю и чувствую, что нет никаких оснований считать, что во всех случаях (например, при изучении проблем пола или расы) классовый анализ является универсальным и неизменно наиболее фундаментальным для их понимания. И в этих случаях я был бы удовлетворен анализом, который остановился у дверей марксизма. Например, в анализе пола мой анализ является в столь же мере феминистским, сколь и марксистским. Поскольку я верю, что марксистская концепция не обеспечивает все необходимые компоненты, необходимые для понимания природы половых отношений, противоречий, их воспроизводства, трансформации, то здесь я, вероятно, лишь частично, а не в основном, являюсь марксистом. Но в общей социальной теории, теории общества как целого, я бы назвал себя марксистом, сторонником марксистской концепции класса, которая, я думаю, не является просто идеей или группой идей внутри марксизма и которая может легко быть дополнена чем-то извне.

Б.: С первого взгляда кажется, что есть противоречия между двумя частями твоего ответа. В первой части ты говоришь, что тебя действительно впечатляет аналитическая сила концепции эксплуатации,

объясняющая неравенство. Но во второй части ты говоришь о вещах, которые она слабо объясняет. В первой части ты подчеркиваешь моральный компонент эксплуатации. Но здесь же ты касаешься других форм неравенства, от которых надо избавиться и которые столь же важны, как и классовое неравенство.

Р.: Я не думаю, что здесь столь большое противоречие, как ты полагаешь... Я нахожусь под впечатлением аналитической силы концепции эксплуатации в классовом анализе.

Б.: То есть когда ты используешь понятие класса, то прибегаешь к марксистскому понятию.

Р.: Но это не главное во второй части ответа. Не для всех проблем классовый анализ кажется достаточным, но я действительно верю, что при изучении всех проблем, о которых я думаю, которыми интересуются левые радикальные интеллектуалы (особенно социальные изменения, ценности свободы, равенства, справедливости), классовый аспект играет важную роль...

Б.: Некоторые люди, изучавшие проблемы разделения труда между полами, повернули от марксизма к феминизму. Почему этого не сделал ты?

Р.: В анализе домашней работы я больше феминист, чем марксист, так как в изучении этих проблем я обнаружил особый круг вопросов, не входящих в число тех, которые хорошо объясняются марксистской теорией. Например, я не думаю, что она хорошо объясняет процесс межличностных переговоров между мужчиной и женщиной в сфере частного домашнего хозяйства. Она не очень хорошо объясняет, почему результаты этих переговоров схожи в большинстве домашних хозяйств. Она может быть более успешна в объяснении, почему объем выполняемой мужчинами домашней работы, вероятно, увеличится в последующие 50 или 20 лет в результате усиления роли женщин в составе рабочей силы. Она может хорошо объяснить, почему удельный вес женщин в составе рабочей силы капиталистических стран постоянно растет, начиная со Второй мировой войны. Но классовый анализ недостаточен для понимания микрополитики борьбы полов в домашнем хозяйстве...

Я на сто процентов являюсь марксистом в вопросах классовой эмансипации, примерно на 80 процентов — в классовом анализе, примерно на 40 процентов — в теории истории... Я не считаю, что всякая эмансипация классовая. И я на сто процентов являюсь феминистом при нормативном подходе к проблеме пола.

Б.: Таким образом, ты бы не подписался под позицией классического марксизма, гласящей, что ликвидация классово́й эксплуатации будет означать автоматическую ликвидацию и других форм господства?

Р.: Моя позиция по вопросу взаимосвязи различных форм господства состоит в следующем. Уничтожение или радикальное уменьшение классово́й эксплуатации усиливает позиции в борьбе против других форм угнетения, так как ликвидация иных форм угнетения требует концентрации больших социальных ресурсов. Чтобы уничтожить половое неравенство, требуется перемещение больших ресурсов на повышение качества ухода за детьми. Однако на пути к этому стоят капиталистические отношения, поэтому уничтожение капиталистических отношений создает условия для борьбы за изменение отношений полов. Но верна и обратная связь. Потенциал сокращения капиталистической эксплуатации зависит от солидарности различных угнетенных групп...

Б.: Как на твои взгляды повлиял крах коммунизма в период 1989–1991 гг. в Восточной Европе и Советском Союзе?

Р.: Я не думаю, что на мои взгляды основательно повлияли сами события. Первая причина этого состояла в том, что я не считал Советский Союз воплощением социалистических и марксистских идеалов. Моя первая реакция на крах Советского Союза: «Наконец-то марксизм освободился от бремени». Для нас на Западе было обременительно сталкиваться с фальсифицированными марксистскими идеями и объяснять каждому, почему мы не хотим рассматривать Советский Союз как воплощение наших идеалов. С крахом этой системы мы избавились от этого бремени.

Однако в более широком смысле эти события, конечно, имели существенное влияние на интеллектуальный климат. На меня — нет, но на большинство марксистов, я думаю, они повлияли. Уровень скептицизма относительно возможности какой-либо альтернативы капитализму резко повысился в среде левых, среди людей, которые критически относились к эксплуатации, к угнетению, загрязнению окружающей среды, империализму и всем другим порокам капитализма. Их критичность относительно этих явлений уменьшилась, а скептицизм относительно возможности альтернативы капитализму, возможно, неоправданно вырос, поскольку Советский Союз никогда не был серьезной альтернативой, к которой кто-то где-то стремился. Тем не менее рост этого культурного скептицизма имел эффект. Даже разговаривая с людьми, которые разделяют твои ценности и идеалы, ты сталкиваешься с глубоким скептицизмом относительно возможности альтернативы.

Это заставило меня переосмыслить мою первоначальную реакцию на крах советской экономики («наконец-то этот глупый авторитарный режим перестал быть каким-то бременем для марксизма»). Однако была и обратная сторона. Советский пример стал подтверждением тезиса о том, что капитализм является единственно возможной формой развития, что капитализм не может иметь альтернативы. Когда был Советский Союз, такие радикалы, как я, могли говорить о том, что его недостаток — это отсутствие демократии. Однако этот пример демонстрировал возможность альтернативного развития общества и мира. Это была практическая демонстрация альтернативы. Кроме нее, мир никогда не имел практических примеров некапиталистической, посткапиталистической или антикапиталистической системы организации производства. Это делало возможность альтернативного пути предметом обсуждения. А недостатки советского общества могли быть устранены посредством демократизации всех его институтов.

Б.: А твой скептицизм относительно возможности более желательной альтернативы капитализму усилился?

Р.: Я бы не сказал, что мой скептицизм усилился. Я стараюсь приручить, окультурить мой скептицизм. Я стараюсь думать об истинных причинах скептицизма, об институциональных формах, моделях альтернатив, что подрывает этот скептицизм. Особенно интересна теоретическая проработка вопроса об институциональных формах реализации социалистического идеала и ухода от того пути, который мы наблюдали в Советском Союзе.

Б.: Используешь ли ты при этом классический марксизм, его проект?

Р.: Это интересная проблема негативного отношения к социалистическому проекту Маркса. Я думаю, что у него был интереснейший проект альтернативы капитализму. Но в конце концов Марксово время — это иное время. Тогда не было действующей практической модели, ни одного общества, организованного на посткапиталистических принципах, которые Маркс мог бы проанализировать, если не считать Парижскую Коммуну. С тех пор мы имели опыт общественной реорганизации. В связи с этим встает вопрос, как вы можете убедить массу людей, попытаться с помощью революционной борьбы, чрезвычайно больших рисков, перестроить общество?

Маркс нашел прекрасное решение этой проблемы. Он попытался показать, что в конечном счете настанет время, когда капитализм сам перестанет быть подходящим типом общества, то есть в конце концов он разрушит себя сам. И это неизбежно. Внутренне присущее

капитализму противоречие между частным характером производственных отношений и все усиливающимся общественным характером производительных сил, противоречие, воплощенное в погоне за прибылью, делает капитализм неустойчивым. С другой стороны, наряду с этим будут усиливаться социальные субъекты, заинтересованные в альтернативе капитализму. Если будут два этих условия, тогда нетрудно поверить, что альтернатива возможна. Но Маркс не разработал работоспособной модели. Он только показал, что настанет время, когда капитализм не будет работать, тогда революционный рабочий класс, если он захватит власть, путем эксперимента сможет создать работоспособные институты.

Б.: В твоей интерпретации звучит так, что у Маркса это был просто риторический прием, научная идиома. Но в своей основе это была стратегия превращения социалистической альтернативы капитализму в реальную возможность.

Р.: Я думаю, что наука включает риторику. Но я не считаю, что моя интерпретация Маркса звучит таким образом. Хотя, действительно, Маркс стремился сформулировать научную теорию таким образом, чтобы показать невозможность дальнейшего развития капитализма.

Б.: Какую форму марксизма можно ждать в будущем? Что ты думаешь о возможности постмодернистского марксизма?

Р.: Я думаю, а не является ли тот марксизм, который я предлагаю, постмодернистским, поскольку он не претендует на унификацию (to totalize)? По крайней мере половина марксизма — это постмодернизм, отрицающий унифицирующую теорию. Но я также отвергаю и унифицирующий марксизм. Я не отвергаю реалистическую науку, этнологию...

Б.: Большое спасибо за интервью.

Пер. с англ. В. И. Ильина

Сведения об авторе

Буравой Майкл, доктор философии, профессор социологии, экс-президент Международной социологической ассоциации (МСА)

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 05.02.2026;
принята к публикации: 09.02.2026.

MICHAEL BURAWOY*International Sociological Association (ISA)*

THE PROBLEM OF CLASS IN CONTEMPORARY SOCIOLOGY.

Michael Burawoy's Interview with Eric Olin Wright

Abstract. Eric Wright is a professor of sociology at the University of Wisconsin (Madison, USA). He received his PhD in 1976 and has been at the University of Wisconsin since then. Former president International Sociological Association (ISA). He is the author of several books. He is widely known in Western sociology for his empirical research on class structure in various countries, as well as his work in Marxist theory and social research methodology. This interview was conducted exclusively for Rubezh magazine by Michael Burovoy, professor of sociology and a member of the Rubezh editorial board.

Keywords: class, Marxism, sociology, modern society, gender and class relations

For citation: Burawoy M. The Problem of Class in Contemporary Sociology. Michael Burawoy's Interview with Eric Olin Wright. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 51–72. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.xc93-bd28; EDN: QHBDYG

Information about the author

Burawoy Michael, PhD, Professor of Sociology,
former president International Sociological Association (ISA)

Received: 29.01.2026;
revised after review: 05.02.2026;
accepted for publication: 09.02.2026.